

ПРИНЦ
ЗАЗЕРКАЛЯ

Читайте в серии:

МАГИЯ БЕЗУМИЯ
КОРОНА ПОДЗЕМЬЯ
ПРИНЦ ЗАЗЕРКАЛЬЯ

продолжение следует...

А.Г. ГОВАРД

ПРИНЦ ЗАЗЕРКАЛЬЯ

Freedom

Москва

2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г57

A. G. Howard
ENSNARED

Text copyright © 2015 Anita Howard

Говард, А. Г.

Г57 Принц Зазеркалья / А.Г. Говард ; [пер. с англ. В. С. Сергеевой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 480 с. — (Young Adult. Алиса. На темной стороне).

ISBN 978-5-04-090536-2

Серия книг А. Говард переведена на 10 языков! Книга «Магия безумия» вошла в топ-10 лучших книг 2014 года и удостоилась восторженных отзывов в самых известных журналах: «Publishers Weekly», «Kirkus Review», «Booklist» и др.

Алиса больше не может отказываться от своего второго «я» — она королева Подземья, в чьей крови течет магия. Девушке предстоит спасти оба мира от сокрушительной силы Червонной Королевы, которая намерена уничтожить Страну Чудес, а на руинах выстроить новое королевство по своему усмотрению. Вместе с отцом Алисса отправляется в Зазеркалье, населенное чудовищными измененными созданиями. Они должны разыскать Джеба и Морфея, которые оказались пленниками этого зловещего места, откуда нет выхода. Разрываясь между двумя юношами, Алисса понимает, что не сможет прожить сразу две судьбы. Чтобы победить Червонную Королеву, ей придется сделать самый трудный выбор в ее жизни.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

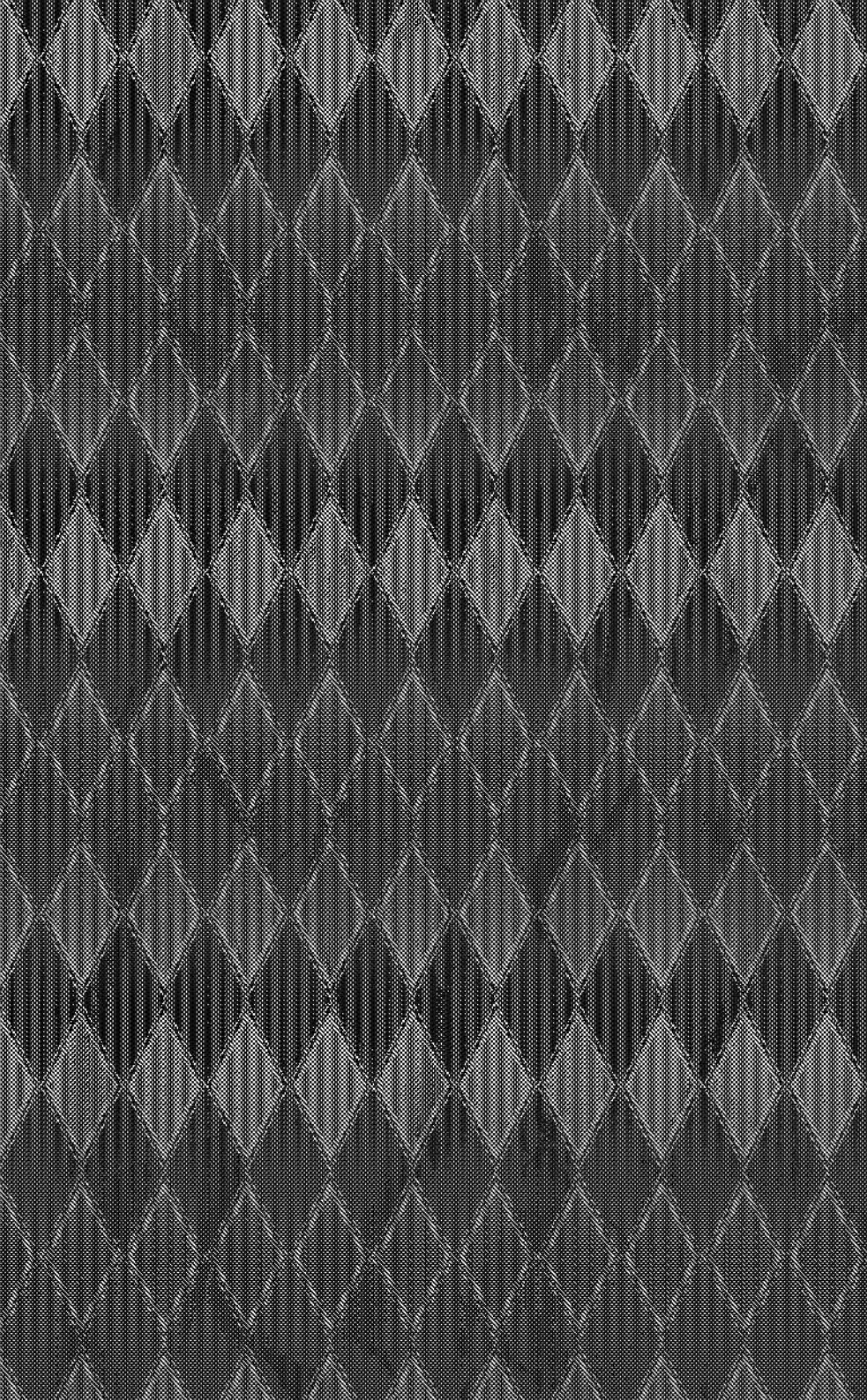
ISBN 978-5-04-090536-2

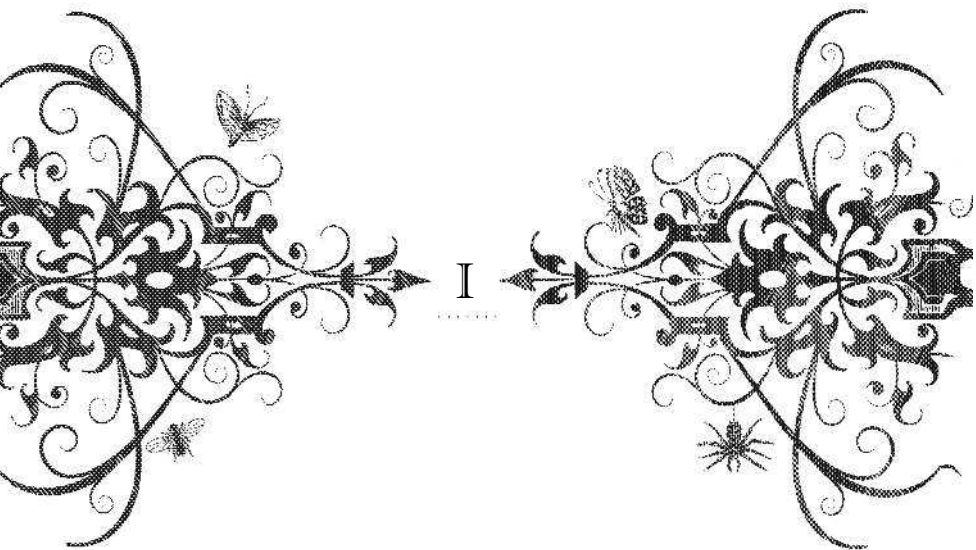
© Сергеева В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Посвящается маме.
Я скучаю по тебе.
Спасибо, что придала мне смелости
высоко взлететь и воплотить свои мечты.
За то, что была ветром под моими крыльями.*

Волшебная ленточка памяти

— У меня память не такая, — сказала Алиса. — Я не могу вспомнить то, что еще не случилось.

— Значит, у тебя память неважная, — заявила Королева.

*Льюис Кэрролл,
«Сквозь зеркало
и что там увидела Алиса»*

Я когда-то думала, что воспоминания лучше оставлять в прошлом... это застывшие кусочки времени, которые можно воскрешать из сентиментальных соображений, но скорее ради удовольствия, чем по необходимости. Так было до тех пор, пока я не узнала, что воспоминания способны двигать тебя вперед, раскрывать судьбу и будущее тех людей, которых ты любишь и ценишь больше всего на свете.

Я стою перед блестящей красной дверью отдельного купе в поезде памяти. На съемной табличке выгравировано имя «Томас Гарднер».

— Это лишняя формальность, раз уж он здесь во плоти, — сказал кондуктор — ковровый жучок ростом с меня, — когда я потребовала принести табличку.

Я устремила на него сердитый взгляд и настояла, чтобы он выполнил мою просьбу.

И теперь, прижавшись лбом к латунной табличке и чувствуя, как металл холодит кожу, я задумываюсь над папиным именем. Оно значит больше, чем я в силах представить. Он сам — нечто большее, чем я когда-либо могла вообразить.

Я чуть не последовала за папой в купе, когда мы прибыли. Он весь трясся, еще до того как мы приземлились в Лондоне.

А кто бы на его месте не волновался? Папа стал маленьким, как муха, и пересек океан, сидя на спине у бабочки. Я до сих пор чувствую соль на губах. На закате, когда папа как будто смирился с тем, что действительно летит на бабочке, мы пробрались в щель в основании гигантского железного моста и оказались в подземном тоннеле, возле ржавого игрушечного поезда. Когда папа сообразил, что мы достаточно маленькие, чтобы сесть в поезд, у него глаза полезли на лоб — я думала, они вовсе выскочат из орбит.

Я хочу защитить его, но мой папа — не слабак. И впредь я никогда не стану обращаться с ним так, словно он беспомощен.

Ему было девять лет — всего на два года больше, чем Алисе, — когда он попал в Страну Чудес и угодил в плен к паукообразной хранильнице кладбища. Но каким-то образом он выжил. И пусть папа теперь встретится с этими воспоминаниями наедине.

Иначе он попытается защитить меня. А я нуждаюсь в защите не больше, чем он.

Мне понадобилось лишиться рассудка, чтобы обрести ясность. Если то же самое должно случиться и с папой, значит, так надо.

Дрожащим пальцем я обвожу буквы. Т-о-м-а-с. Сегодня папа узнает свое настоящее имя, а не то, которое дала ему мама. Его открытия, впечатления, ужасы, которые он пережил ребенком, приведут нас в Гдетотам — зазеркальный мир, куда отправляются изгнанники из Страны Чудес. Это место накрыто железным куполом, который удерживает пленников и искажает их магию, если кому-то вздумается ею воспользоваться. У двух ворот Гдетотам несут стражу Червонные и Белые рыцари.

Мои собственные рыцари, Джеб и Морфей, находятся в Зазеркалье. Прошел месяц с тех пор, как они пропали. Надеюсь, они еще живы.

Я должна в это верить.

А еще там мама. Она застряла в гибнущей Стране Чудес, сделавшись заложницей той самой злобной паучихи, которая некогда держала папу в плену, в паутине. Кроличью нору — портал в подземный мир — я уничтожила своими руками. Гдетотам — единственный способ попасть в Страну Чудес.

Мы начинаем спасательную операцию, и папина память — ключ ко всему.

Я волоку грязные ноги по выложенному красно-белой плиткой полу, направляясь в переднюю часть вагона. Мышцы болят от двадцатичетырехчасового сидения на спине бабочки. Мы летели бы еще дольше, если бы нас не подхватила буря. Она подняла нас на несколько тысяч футов в воздух, и мы покрыли сотни миль за считанные минуты. Это был безумный полет, который мы с папой не скоро забудем.

Волосы, мокрые от дождя, падают мне на плечи буйной путаницей светлых прядей. Их вид соответствует тому, что я чувствую — хаос и одновременно изнеможение. Волшебная половина моей души пытается освободиться от человеческих эмоций, которыми она опутана. Никакой передышки не будет, пока я не найду тех, кого люблю, и не наведу порядок в Стране Чудес.

Но я знаю, что даже и тогда никто из нас не станет прежним.

Полдюжина странных созданий сидят на белых виниловых диванчиках. Они не ждут воссоединения с утраченными воспоминаниями. Они тоже застряли тут. Поскольку кроличьей норы нет, они не могут вернуться домой, в Страну Чудес.

Одно существо — бледный гуманоид женского пола, с конусообразной головой. Черепная коробка время от времени раскрывается, и бледная особа начинает ругаться с уменьшенной копией самой себя. У этой копии тоже раскрывается череп, и там сидит совсем уж малютка. Это миниатюрное существо — мужского пола, и у него большой нос. Он бьет оппонентов крошечной скалкой и прячется. Всё вместе это напоминает какой-то кошмарный спектакль с участием Панча и Джуди — старинных марионеток, про которых я читала, когда занималась историей драматургии в школе.

Два других пассажира — пикси. Может быть, они из той компании, которую я встретила в прошлом году на кладбище в Стране Чудес. Без шахтерских касок пикси выглядят совсем иначе. У них лысые чешуйчатые головы, кое-где поросшие пучками серебристых волос. На сиденье между ними лежит полиэтиленовый пакет; оттуда они по очереди достают орехи, которыми швыряют в существо с ко-

нусообразной головой, заставляя его еще активнее спорить с «жилыцами».

Длинные хвосты пикси подергиваются, обезьяньи личики принимают внимательный вид, когда я встречаюсь с взглядом их серебристых глаз. У пикси нет ни зрачков, ни радужек, а веки закрываются вертикально, как занавес в театре.

Они перешептываются, а я зажимаю нос, чтобы приглушить запах гнилого мяса, который источает серебристая слизь, покрывающая их тела.

— Алиса, прекрасная говорительница, — чуть дыша, произносит один, когда я подхожу ближе. — Ты не ряласьпоте днясего?

Пикси говорят на странном жаргоне. Они хотят знать, не потерялась ли я.

— Это не Алиса, с-с-слепой, — шипит второй, прежде чем я успеваю ответить. — Только думатели ряютсяпоте здесь. Думатели и нутыми.

Я иду по проходу дальше, слишком поглощенная своими заботами, чтобы участвовать в разговоре.

Жук-кондуктор что-то царапает в своем блокноте, болтая с тремя оставшимися пассажирами. Они круглые и пушистые, с глазами на длинных ворсистых стебельках, которые больше похожи на кроличьи уши. Они наблюдают за мной, пока я прохожу мимо. «Уши» поворачиваются, и глаза растут.

Самый толстый из трех чихает в ответ на какой-то вопрос кондуктора, и от его меха поднимается облако пыли.

— Чертовы пыльные зайцы! — восклицает кондуктор, достает из чехла на поясе пылесос и принимается чистить свою ковровую шкуру.

Я сажусь в никем не занятом переднем ряду и съеживаюсь у окошка в ожидании кондуктора. Он должен был кое-что проверить — утраченные вос-

поминания, которые мне нужно увидеть. Не мои. Я хочу посмотреть эпизоды из чужой жизни.

Маму мучает совесть, что она посмотрела папины воспоминания втайне от него. Поэтому я очень осторожна. Но та, в чье сознание я собираюсь вторгнуться, не заслуживает моего уважения. Она жестока и мстительна. Она чуть не похитила мое тело, разорвала жизнь пополам и почти уничтожила Страну Чудес.

Морфей всегда говорил, что у каждого свои слабости. Будь он здесь, он велел бы мне найти слабость Червонной Королевы, чтобы, встретившись с ней вновь, я бы могла одержать верх.

Именно это я и намерена сделать.

Пылесос кондуктора завывает, заглушая споры, чиханье и шорох вокруг. Я откидываюсь на спинку и рассматриваю люстры, сделанные из светлячков — каждый длиной в половину моей руки. Они соединены друг с другом латунными цепочками. Сияющие насекомые движутся в воздухе, отбрасывая пятна желтого света на стены, обитые алым бархатом. Я наклоняю голову и смотрю в окно. Темноту рассеивают лампы, тоже из светлячков, которые вращаются на потолке тоннеля, как блестящие колеса обозрения.

Я подавляю зевок. Сил нет, но при этом я настолько взвинчена, что не могу задремать. Как будто я не в состоянии определить свое место во времени и пространстве. Всего лишь вчера я сидела за столиком во дворике психиатрической лечебницы и пыталась хитростью скормить папе грибок, который должен был его уменьшить. Как будто это произошло давным-давно — но и вполнину не так давно, как те времена, когда я обнимала маму... спорила с Морфеем... целовала Джеба. Я скучаю по маминому запаху.

После работы в саду от нее пахло вскопанной землей и цветами. Скучаю по украшающим глаза Морфея драгоценным камням, которые переливались радугой эмоций, когда он поддразнивал меня. Скучаю по отрешенному виду Джеба, который всегда появляется у него на лице, когда он рисовал.

Мелочи, которые я некогда принимала как данность, сделались бесценными сокровищами.

У меня урчит в животе. Мы с папой не завтракали, а желудок подсказывает, что пора обедать. Я сую руку в карман передника, надетого поверх жесткого и запачканного больничного халата, и перекатываю между пальцев оставшиеся грибы. Я такая голодная, что готова съесть один из них, но не стану. Скрытая в грибах магия, которая уменьшила нас, чтобы мы могли лететь на бабочках, вернет нам прежний вид, когда мы закончим. Нужно сохранить грибы.

В стекле виднеется мое отражение — синее платье, белый передник, растрепанные светлые волосы с темно-рыжей прядкой с одной стороны.

Первый пикси был прав. Я — настоящая Алиса.

Алиса из кошмара.

Безумная, жаждущая крови.

Когда я найду Червонную Королеву, она будет умолять, чтобы я ограничилась головой.

Я фыркаю и тут же становлюсь серьезной, когда кондуктор выключает пылесос. Он поправляет свою черную фуражку и ковыляет на двух из шести ножек, похожих на палочки. Остальные две пары служат руками. В них он держит блокнот.

— Ну? — спрашиваю я, глядя на него.

— Я нашел три воспоминания. Давних. Когда она была еще молода и не замужем. Прежде чем она стала... — кондуктор оглядывается и понижает голос до шепота, — королевой.

— Отлично.

Я начинаю вставать, но тут же плюхаюсь обратно, когда он толкает меня тонкой ножкой в плечо.

— Сначала ты уничтожила один путь в Страну Чудес, заставив меня нянчиться с пыльными кроликами и вонючими пикси. Теперь ты хочешь, чтобы я подверг свою жизнь опасности, показав тебе... — кондуктор разглядывает сидящих позади пассажиров, и его скрещивающиеся челюсти дрожат, — ее интимные воспоминания?

Его шепот сопровождается щелканьем, словно кто-то хрустит пальцами.

Я стискиваю зубы.

— С каких пор подземцы уважают чью-то личную жизнь? Это же не вписывается в ваш этический кодекс. Точнее, большинство из вас вообще не в курсе, что такое этика.

— Я знаю всё, что надо! В том числе — что она не простит.

Кондуктор избегает называть ее по имени.

Я следую его примеру.

— Она не узнает, что это ты мне показал.

Кондуктор листает блокнот и что-то неуверенно записывает.

— Есть еще одна проблема, — произносит он уже громче. — Эти воспоминания — отказники.

— В смысле?

— Ее никто не заставлял забывать. Она сама предпочла это сделать. Выпила зелье забвения.

— Еще лучше, — говорю я. — Она по какой-то причине их боится. Вот и прекрасно.

Щелканье усиливается — у кондуктора трясутся челюсти.

— В идеале, ими можно воспользоваться как оружием. Отвергнутые воспоминания окрашены лету-

чей эмоциональной магией. Они желают отомстить тому, кто их породил, а потом выбросил. Но тебе придется отнести воспоминания к ней, предварительно усыпив их и удерживая в своем сознании. Ты полукровка — и потому недостаточно сильна.

От его пренебрежительного тона я ощетиливаюсь.

— У смертных свои способы держать воспоминания спящими. Они их записывают, чтобы прошлое не занимало голову. Мне просто нужна тетрадка.

Кондуктор держит ручку в дюйме от моего носа.

— С зачарованными воспоминаниями это не работает, разве что ты запишешь их на зачарованной бумаге. К сожалению, о такой волшебной тетради я и не слыхивал. А ты?

Я гневно и молча смотрю на него.

— Видимо, нет, — подытоживает жук и постукивает меня ручкой по носу.

Рыча, я выхватываю ее у кондуктора и сую в карман. Пусть отнимет, если осмелится.

— Дурочка. Когда отвергнутые воспоминания находят приют в чьем-то сознании, они, как навязчивые мелодии, снова и снова напоминают о себе — до боли. В лучшем случае, они заставят тебя сочувствовать жертве, и ты не сможешь устоять. В худшем случае, дойдешь до сумасшествия. Готова рискнуть?

Я тру колени руками и подсовываю полы больничного халата под бедра. Жутко представлять себе, как чужие враждебные воспоминания пожирают мой мозг, но единственный способ справиться с Червонной Королевой — найти, где у нее слабое место.

— Я и так уже потеряла всё и сошла с ума, — говорю я, глядя в выпуклые глаза кондуктора. — Хочешь, докажу?

Фасеточные глаза моргают многочисленными